

**«ВСЯКОЕ ИСКУССТВО ЕСТЬ ПОДРАЖАНИЕ ПРИРОДЕ»:
ИСТОРИЯ ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В статье, на примере крылатого латинского выражения «*Omnis ars imitatio est naturae*», показана историческая преемственность идей античного Рима и Европы эпохи Возрождения. Мысли Сенеки (младшего) о том, что человеческое счастье заключается не в материальных благах, а в том, чтобы жить сообразно с законами природы, нашли продолжение в трудах Марка Аврелия, который считал, что всякое искусство, лучшие образцы человеческого творчества являются, по сути, отражением подлинной природы вещей, подражают природе, максимально возможно сообразуясь с ее законами. Опираясь на эту идею, Ф. Бэкон описал ее в качестве правила, которым нужно руководствоваться в практической, политической деятельности. В статье раскрывается рационально-инструментальный смысл этого правила и его актуальность.

Ключевые слова: история мысли, политика, идеология, мировоззрение, социально-политические идеи.

Крупнейший римский философ, писатель и государственный деятель Луций Анней Сенека (ок. 4 до н.э. – 65 гг.) в одном из своих «нравственных писем к Луцилию» начинает разговор «о первопричине мироздания» с того, что первопричина всего, что нас окружает – «деятельный разум», который «ворочая материю» и, изменяя ее форму, «лепит всяческие предметы». Этот разум «расщепляя» природу, изучая и воспроизводя ее отдельные элементы, хочет доискаться до ответов: в чем начало всех вещей? Кто создатель этого мира? По какой причине наш громадный мир обрел закон и порядок? Видимо поэтому «любое искусство подражает природе, – заключает Сенека, – так что сказанное мною можешь приложить ко всем делам рук человеческих»¹. Главным направлением поиска для Сенеки является «решение проблем практической философии, проблем выбора и обоснования жизненного поведения людей»², поэтому он и пытается заложить принцип «подражания природе» в основание определенной нормы морали, некоей привлекательной модели нравственного поведения: «Не надо тратить время на пустяки, они ни одной из страстей не уймут, ни от одного из возделений не избавят. ...Для меня важнее те занятия, которые утешают душу, поэтому я сначала исследую себя, а потом вселенную. ...Я не так мал и не ради такой малости рожден, чтобы быть только рабом своему телу»³.

¹ Сенека 1986: 122, 125.

² Ошеров 1986: 5.

³ Сенека 1986: 124, 125.

Через столетие к принципу «подражания природе» обратился император Марк Аврелий Антонин (121–180 гг.). Этот «философ на троне» полагал, что всякое искусство, лучшие образцы человеческого творчества являются, по сути, отражением подлинной природы вещей, подражают природе, максимально возможно сообразуясь с ее законами. «Искусства выше всякое природное» – оттого искусства и подражают природам, – отмечал Марк Аврелий в своих «Размышлениях». – А если так, то уж совершеннейшая и самая многообъемлющая из природ не уступит, думается хотя бы и самой искусной изобретательности»⁴.

Наконец, в начале XVII века выдающийся английский ученый и государственный деятель Фрэнсис Бэкон (1561–1626), описывая искусство успешного человеческого поведения в обществе, вновь заговорил о правиле (действии ограниченном рамками принципа), которое предписывает людям подражать природе⁵.

Обращает внимание, что жизнь этих, без сомнения, выдающихся мыслителей, в значительной мере была заполнена политической деятельностью, оперативным и стратегическим государственным управлением высшего уровня, которое неизбежно накладывает ограничения на поведение любого человека, ставит его в определенные жесткие рамки. Постоянный цейтнот, большой объем и масштаб решаемых задач, вынуждают деятеля, находящегося на высоком административном посту, заниматься только самыми важными и неотложными делами. Поэтому внимание всех троих к принципу или правилу «подражания природе», конечно, не случайно. Речь, в данном случае, идет о действенном инструменте познания и преобразования окружающего социального мира, который даже сегодня не утратил ни грана своей актуальности и может быть использован с большим успехом.

Примером, подтверждающим непреходящую значимость этого правила, может служить его применение для исследования современного духовного, социального и политического мира, в частности для оценки различных концептуально оформленных представлений и идей, например, коммунистической идеологии⁶. На протяжении семи десятилетий XX века население нашей страны испытывало воздействие коммунистических идей, и, несмотря на то, что этот социальный эксперимент тридцать лет назад закончился крахом, до настоящего времени его результаты не только обычными людьми, но и экспертами оцениваются неоднозначно. Определенное число граждан, политических деятелей и ученых, представляющих Россию и постсоветские страны даже сейчас считает, что потенциал «левых» идей не исчерпан, что у левого движения – социалистических, коммунистических партий и движений, стоя-

⁴ Марк 1993: 12, 62.

⁵ См.: Бэкон 1977: 467.

⁶ См.: Гуторов 2018: 9-15.

щих на основах «научного» марксизма, есть перспектива осуществления социалистических преобразований общества, они до сих пор живут надеждой, что идеи социальной справедливости в их марксистской интерпретации когда-нибудь будут реализованы⁷.

Такое положение вещей свидетельствует, прежде всего о том, что российским научным экспертным сообществом до настоящего времени не сформирован не только реальный, но и идеальный предмет стремления, на который должен быть направлен процесс социального развития. В экспертном сообществе (которое в этом отношении является калькой общества), нет не только конвенции по поводу идеала, отсутствует четкое понимание цели движения, размыт образ предвосхищаемого результата, но и, соответственно, отсутствуют точные критерии оценок: что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо?⁸.

Между тем, уже мыслители прошлого предоставили в распоряжение человечества точно выверенное лекало, надежный шаблон, сравнение с которым позволяет уверенно делать выводы о достоинствах и недостатках различных идеологических концепций. Ведь, с одной стороны, любой идейный концепт представляет собой искусство – творение человеческих рук, с другой, в какой-то мере, является отражением мировоззрения одного или нескольких авторов и направлен на то, чтобы формировать мировоззрение большого количества людей, выполнять роль матрицы для массового производства стереотипов человеческого мышления, т.е. непосредственно связан с природой человека. Таким шаблоном или лекалом, с которым можно сравнить тот или иной идейный концепт, служат научные представления о природе человека. Сравнивая их, можно делать достоверные суждения о том, насколько одно соответствует другому. Конечно, такой подход не решает всех проблем науки, например, не дает всестороннего представления о цели общественного развития, зато хорошо высвечивает органические, врожденные недостатки идеологических концепций и, как следствие, позволяет обходить стороной тупики и экономить время и человеческие ресурсы.

Понятно, что, говоря о природе человека, в первую очередь следует обращать внимание на те признаки, которые в равной мере присущи всем людям. Пытаясь раскрыть это всеобщее, тот же Ф. Бэкон, в сочинении «О достоинстве и приумножении наук», указывает на двойственность человеческой природы, на дихотомию индивидуального и социального: «Каждому предмету внутренне присуще стремление к двум проявлениям природы блага: к тому, которое делает вещь цельным в самой себе, и тому, которое делает вещь частью какого-то большего целого. ... Мы назовем первое индивидуальным, или личным благом, второе – общественным благом». Бэкон ставит задачу обосновать преобладающую

⁷ См.: Царегородцев 2018: 66-67.

⁸ См.: Ширинянц 2014: 167.

роль социального блага: «Сохранение более общей формы почти всегда подчиняет себе менее значительные стремления. Эта преобладающая роль общественного блага особенно заметна в человеческих отношениях, если только люди остаются людьми»⁹.

Но в нашем контексте более важно именно то, что дихотомия индивидуального и социального и является тем самым признаком, который присущ всем представителям человеческого рода. Каждый человек является кузнецом своего счастья, мастером своей судьбы и одновременно членом человеческого сообщества – сообщества, которому в итоге достаются все победы, триумфы и свершения, все достижения и завоевания, все активы, приобретения и результаты того, что достигает человек в течение своей жизни.

Проявление дихотомии индивидуального и социального в человеческом сознании можно иллюстрировать таким примером: в наше время, как в сфере предпринимательства, так и в государственном аппарате, у значительной части людей сложился комплекс, система мотиваций, в которой безусловный приоритет отдан личным интересам, когда должностное положение и решение любой задачи рассматривается через призму корысти. Причем корыстно мотивированные люди искренне полагают, что единственно действенной человеческой мотивацией является личный интерес, выраженный в некоем материальном эквиваленте. Между тем, в реальной жизни, проживаемой этими же людьми, определяющее воздействие на них оказывают не личные, а именно социальные мотивации, так как, например, большую часть результатов своего труда и своих усилий они тратят на других людей, на семью.

Вернемся к Бэкону. Реконструируя (и интерпретируя) его позицию в вопросе о причинах возникновения дихотомии индивидуального и социального, можно утверждать, что человеческие устремления, желания, страсти и склонности, направленные на различные формы личной самореализации, самосовершенствования и самосохранения сталкиваются с необходимостью продолжения собственного рода¹⁰ и жадной жаждой знаний¹¹, состоящей в приобретении и умножении своих знаний о действительности¹². По Бэкону, основную роль в процессе производства, сохранения и распространения знаний играет общество в целом¹³, поэтому этот процесс и характеризуется как социальный. Добавим, что неразрешимое противоречие между индивидуальным и социальным не может быть снято каким-то единым установлением или правилом. Эта дихотомия существовала и будет существовать всегда, поэтому представляет

⁹ Бэкон 1977: 389.

¹⁰ Бэкон 1977: 394–395.

¹¹ Бэкон 1978: 21.

¹² Бэкон 1977: 449–450.

¹³ Там же: 199.

ся, что человек должен оценивать происходящее и принимать решение о приоритете того или другого в каждом конкретном случае, в соответствии со сложившейся ситуацией в данном месте и в данное время.

Таким образом, двойственность человеческой природы является существенной характеристикой или признаком, который в полной мере присущ всем людям, а значит, может служить тем самым искомым лекалом, которое можно накладывать на любую идеологическую концепцию, чтобы выяснить, как в ней отражен поиск оптимального соотношения (баланса) индивидуального и общественного блага, к которому стремятся человек и общество на всем протяжении всего существования. Полюсами, точками опоры в этом поиске служат, с одной стороны, индивидуальное начало, выражающееся в стремлении человека к самосовершенствованию, к знаниям, а, с другой - общественное благо, выражающееся в основных общественных приоритетах, обеспечивающих существование человеческого общества: политической стабильности, общественном согласии, безопасности страны и государства, образовании и воспитании подрастающего поколения, здоровье людей.

Нетрудно заметить, что решение проблемы соотношения общего и индивидуального блага существенно отличается как от коммунистических установок, в которых принижается роль индивидуального начала и превалируют общественные обязанности, так и от либеральных идеологических конструкций, где старательно замалчивается существование общих человеческих интересов и превалируют личные права и свободы. Так как индивидуальное начало для либерализма, а социальное для коммунизма являются основанием их идейного фундамента, очевидно, что эти недостатки неустранимы. Наконец, становится очевидным и то, что либерализм и коммунизм являются неразрывной диалектической парой, наглядной демонстрацией одного из принципов диалектики: «борьба и единство противоположностей», поэтому следование любой из этих идеологий обрекает наше общество на бесконечные метания из одной крайности в другую.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х тт., Т.2. / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина; пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1978. С. 5–214. (АН СССР, Ин-т философии. Филос. наследие) [Bekon F. Novuj Organon // Bekon F. Sochineniya: v 2-kh tt., T.2. / sost., obshch. red. i vst. st. A.L. Subbotina; per. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo. M.: Muisl', 1978. S. 5–214. (AN SSSR, In-t filosofii. Filos. nasledie)].
- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения: в 2-х тт., Т.1. / сост., общ. ред. и вступ. статья А.Л. Субботина; пер. Н.А. Федорова, Я.М. Боровского. М.: Мысль, 1977. С. 81–524. (АН СССР, Ин-т философии. Филос. наследие) [Bekon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk // Bekon F. Sochineniya: v 2-kh tt., T.1. / sost., obshch. red. i vstupitelnaia stat'a A.L. Subbotina; per. N.A. Fedorova, Ya.M. Borovskogo. M.: Muisl', 1977. S. 81–524. (AN SSSR, In-t filosofii. Filos. nasledie)].
- Гуторов В.А. Посткоммунизм и некоторые проблемы интерпретации марксистской традиции // Журнал Белорусского гос. ун-та. Философия. Психология. 2018. № 3. С.

- 9–15. [Gutorov V.A. Postkommunizm i nekotorige problemui interpretatsii marksistskoy traditsii // Zhurnal Belorusskogo gos. un-ta. Filosofiya. Psikhologiya. 2018. № 3. S. 9–15.].
- Марк Аврелий Антонин. Размышления / пер. с лат. и прим. А.К. Гаврилов; подг. изд. статьи и коммент. А.И. Доватур, А.К. Гаврилов и Я. Унт. СПб.: Наука, 1993. 248 с. (Литературные памятники) [Mark Avreli' Antonin Razmuishlenia / per. s lat. i primech. A.K. Gavrilov i Ya. Unt. SPb.: Nauka, 1993. 248 s. (Literaturnue pamyatniki)].
- Ошеров С. Сенека: философ, прозаик, поэт // Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии. М.: Худож. Лит., 1986. С. 5–30. (Б-ка античной литературы) [Oshero S. Seneka: filosof, prozaik, poet // Seneka L.-A. Nrvstvennuie pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii. M.: Hudozh. Lit., 1986. S. 5–30. (Biblioteka antichnoj literaturui)].
- Сенека Л.-А. Нравственные письма к Луцилию; Трагедии / пер. с лат. и вступ. статья С. Ошерова; сост. и научн. подгот. текста М. Гаспарова; коммент. С. Ошерова и Е. Рабинович. М.: Худож. Лит., 1986. 543 с. (Б-ка античной литературы) [Seneka L.-A. Nrvstvennuie pis'ma k Lutsiliyu; Tragedii / per. s lat. i vstup. stat'ya S. Oshero; sost. i nauchn. podgot. teksta M. Gasparova; comment. S. Oshero; i E. Rabinovich. M.: Hudozh. Lit., 1986. 543 s. (Biblioteka antichnoj literaturui)].
- Шириняц А.А. Консерватизм и политические партии в современной России // Тетради по консерватизму: Альманах Фонда ИСЭПИ. № 3. М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2014. С. 166–183. [Shirinyants A.A. Konservatizm i politicheskie partii v sovremennoj Rossii // Tetradi po konservatizmu: Al'manakh Fonda ISEPI. № 3. M.: Nekommercheskij fond – Institut sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovanij (Fond ISEPI), 2014. S. 166–183.].
- Царегородцев С.С., Шириняц А.А. В поисках смысла: идеи как фактор политики // Вестник Российской нации. 2018. №1. С. 64–78. [Tsaregorodtsev S.C., Shirinyants A.A. V poiskakh smuisla: idei kak factor politiki // Vestnik Rossiiskoi natsii. 2018. № 1. S. 64–78.].

Царегородцев Сергей Станиславович, соискатель, кафедра истории социально-политических учений, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; sergtsar@phoibos.ru

“All art is an imitation of nature”: history of the idea and modernity

The article, setting the aphoristic Latin quotation “Omnis ars imitatio est naturae” as an example, shows the historical succession of the ideas of ancient Rome and Renaissance Europe. The thoughts of Seneca (junior) that the height of human happiness does not lie in material wealth, but in living in accordance with the laws of nature, found their continuation in the oeuvre of Marcus Aurelius, who believed that all art, the best examples of human creativity were, in essence, a reflection of the true nature of things, imitating nature, as much as possible in accordance with its laws. Based on this idea, the outstanding English scientist and politician F. Bacon described it as a rule that should be guided in practical, political activity. The article reveals the rational and instrumental meaning of this rule and its relevance/

Key words: *history of thought, politics, ideology, worldview, socio-political ideas.*

Sergey Tsaregorodtsev, the competitor of scientific degree for the Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; sergtsar@phoibos.ru